

М. В. Шкаровский

Петербургские старообрядцы, не имеющие священства, в 1720-х — 1941 гг.

DOI 10.47132/1814-5574_2021_2_228

Аннотация: Статья посвящена истории не приемлющих священства старообрядческих общин в Санкт-Петербурге и Ленинградской области — регионах значительного распространения этой конфессии, где ее традиции всегда отличались прочностью. В работе охвачен обширный отрезок времени — с 1720-х по 1941 гг., но главное внимание уделено наименее изученному советскому периоду. В столице Российской империи и окрестностях проживали главным образом представители трех согласий беспоповцев: поморского, федосеевского и филипповского. Активное развитие старообрядческих общин Петроградской губернии продолжалось до 1917 г. После Октябрьского переворота их положение начало ухудшаться. Несмотря на уступки советских властей в 1920-е гг., массовые антирелигиозные гонения постепенно охватили и старообрядцев. К лету 1941 г. все их моленные были закрыты, и остатки общин временно ушли в подполье до частичного возрождения после Великой Отечественной войны. Статья подготовлена на основе значительного комплекса ранее не введенных в научный оборот архивных документов, прежде всего, за первые послереволюционные десятилетия. Работа рассчитана на научных работников, верующих, а также всех читателей, интересующихся церковной историей.

Ключевые слова: старообрядцы, беспоповцы, Санкт-Петербург, моленные, антирелигиозная политика, репрессии верующих.

Об авторе: **Михаил Витальевич Шкаровский**

Доктор исторических наук, главный архивист Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, профессор кафедры церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: shkarovs@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1918-5319>

Ссылка на статью: Шкаровский М.В. Петербургские старообрядцы, не имеющие священства, в 1720-х — 1941 гг. // Христианское чтение. 2021. № 2. С. 228–251.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 2

2021

Mikhail V. Shkarovsky

**St. Petersburg Priestless
Old Believers
between the 1720s and 1941**

DOI 10.47132/1814-5574_2021_2_228

Abstract: The article is devoted to the history of Old Believer communities that did not accept the priesthood in St. Petersburg and the Leningrad Region – regions of significant spread of this confession, where its traditions have always been strongly represented. The work covers an extensive period of time – from the 1720s to 1941, but attention is principally paid to the least studied Soviet period. In the capital of the Russian Empire and its environs there lived mainly representatives of the three groups of Priestless Old Believers: the Pomortsy, Fedoseevtsy and Filippovtsy. The active development of the Old Believer communities in the Petrograd province continued until 1917. After the October Revolution, their situation began to deteriorate. Despite the concessions of the Soviet authorities in the 1920s, mass anti-religious persecutions gradually engulfed Old Believers. By the summer of 1941, all of their prayer houses were closed, and the remnants of the communities temporarily went underground until a partial revival following World War Two. The article was prepared on the basis of a significant set of archival documents that were not previously introduced into scientific circulation, primarily for the first post-revolutionary decades. The work is intended for scholars, believers, as well as all readers interested in church history.

Keywords: Old Believers, bespopovtsy, Saint Petersburg, worshippers, anti-religious policy, persecution of Old Believers.

About the author: **Mikhail Vitalievich Shkarovsky**

Doctor of Historical Sciences, Chief Archivist of the Central State Archive of Saint Petersburg, Professor of the Department of Church history of Saint Petersburg Theological Academy.

E-mail: shkarovs@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1918-5319>

Article link: Shkarovsky M.V. St. Petersburg Priestless Old Believers between the 1720s and 1941. *Khristsianskoye Chteniye*, 2021, no. 2, pp. 228–251.

Северная столица и окружающий ее регион выделяются своей уникальностью: это место взаимовлияния и синтеза национальных культур, одним из определяющих факторов которых являлось вероисповедание, район приграничья традиционных русских областей и Запада. Именно в этом регионе — на Севере и Северо-Западе России — зародились многие старообрядческие согласия и толки. Как известно, старообрядчество (староверие) является составной частью русского православия и объединяет различные религиозные структуры (согласия и толки), которые возникли в середине XVII в. в результате раскола Русской Православной Церкви. Исторически старообрядцы делятся на две большие группы: приемлющих священство поповцев (Белокриницкого согласия и беглопоповцев) и не имеющих духовенства (беспоповцев). Не приемлющие священство старообрядцы имеют большое количество согласий и толков, из которых в Санкт-Петербурге были представлены три: поморское, федосеевское и филипповское согласия.

Самым значительным и организованным беспоповским толком, и в настоящее время имеющим наибольшее распространение в Санкт-Петербурге, являются старообрядцы Поморского согласия. Их вероучение, как и у других беспоповцев, опирается на представления о воцарении «духовного антихриста» и прекращении истинного священства. Название согласия связано с Поморьем, где находилось основанное в 1694 г. в Олонецкой губернии на реке Выге Выголексинское общежительство (Данилов монастырь) — главный духовный центр старообрядцев-поморцев в XVIII в. В первой половине этого столетия в результате деятельности выговских проповедников Поморское согласие широко распространилось почти на всей территории России [Агеева, 2007, 135–137].

Поморцы рано поселились в столице из-за ее близости к их духовному центру, и в дальнейшем Санкт-Петербург также стал важным центром согласия. Первые официальные упоминания о староверах города появились в 1720-е гг. Уже тогда Выголексинское общежительство имело в Санкт-Петербурге постоянного представителя (стряпчего) и периодически присылало в столицу своих уполномоченных. Выговский киновиарх Андрей Денисов также приезжал в город, о чем свидетельствуют два его послания «от Братства в Питер» и из «Питера в Братство». В первой половине XVIII в. поморцы преобладали среди старообрядческого населения столицы. Так, ревизия 1745 г. свидетельствовала о принадлежности к этому согласию самых известных петербургских предпринимателей: Игнатия Гутуева, Афанасия Дорофеева, гостинодворцев Яковлевых, Петра Рогожина.

Со временем староверам было разрешено строительство при кладбищах моленных зданий без внешних церковных признаков для совершения чина отпевания, и в 1740 г. на берегу реки Охты (тогда это был труднодоступный пригород) отвели место для старообрядческого кладбища, в дальнейшем на нем появились кельи поморцев. В 1768 г. специальным императорским указом Малоохтинское кладбище получило официальный статус и надолго стало главным центром петербургских поморцев. В 1797 г. они при финансовой помощи купца И. Ф. Долгова устроили здесь моленную и богадельню, а в 1811 г. возвели новую каменную богадельню с больницей и перестроили моленную. При моленной на Малоохтинском кладбище с 1813 г. в течение почти 30 лет жил и трудился известный историк и писатель Павел Любопытный, составивший в 1828–1829 гг. «Исторический словарь и каталог или библиотеку староверческой церкви», а также чины обручения и венчания. В 1820-х гг. при кладбище постоянно проживало около 150 человек, среди них управляющий, казначей, старosta, четыре псаломщика и до 20 певчих [Агеева, 2007, 135–137; Животов, 1891; Лурье, 2011].

При Екатерине II положение старообрядцев улучшилось, так как императрица считала их лояльными подданными, к которым нужно относиться благосклонно. В ее правление в столице появилось несколько старообрядческих центров [Мельников, 1999, 175]. Так, в 1768 г. купцы Ф. К. и И. Ф. Долговы, поддерживавшие тесную связь с Выговской обителью, устроили во дворе своего дома на наб. реки Фонтанки, 24 (выходившем на Моховую ул.), вблизи Симеоновского моста, моленную, где был

установлен поморский порядок богослужения. Согласно завещанию И. Ф. Долгова, эти постройки в 1798 г. были переданы Выголексинскому общежителю и стали его подворьем. В 1800–1830 гг. подворьем управлял Ф. П. Бабушкин, избранный в 1830 г. выговским киновиархом. При нем в начале XIX в. в каменном дворовом флигеле была устроена новая моленная Знамения Пресвятой Богородицы «с главою и звоном из пяти колоколов, помещавшихся на лестнице», и богатым пятирусным иконостасом. В здании флигеля также размещалось общежитие для клира [Антонов, Кобак, 2010, 399; Агеева, 2007, 137–138].

Во второй четверти XIX в. значение центра Поморского согласия перешло к петербургской общине. Однако уже вскоре ее положение начало ухудшаться. В начале 1852 г. светские власти закрыли моленную на Малоохтинском кладбище, и все здания старообрядцев на нем были переданы Российской Православной Церкви и перестроены. В 1864 г. руководившие тогда поморской общиной богатые купцы А. Д. Пиккиев, В. И. Миронов и А. П. Орловский подали прошение о возвращении кладбища общине, которое оказалось успешным. В 1865 г. поморцы построили у северной ограды кладбища на средства купца Н. П. Михайлова новую женскую богадельню с небольшой моленной, которая, правда, вскоре перешла к федосеевцам [Шульц, 1994, 223–224; Антонов, Кобак, 2010, 401].

Еще в 1837 г. указом императора Николая I завещание И. Ф. Долгова было объявлено не имеющим силы. В 1839 г. в моленной на Моховой ул. запретили ремонты и подновления, через два года в ней сняли колокола. В эти годы владельцем дома и попечителем моленной был купец А. Д. Пиккиев (по его имени моленную называли «Пиккиевой»). В июле 1854 г., после многочисленных проверок, моленную с богадельней окончательно закрыли и опечатали. При этом изъяли 504 старинные иконы, книги и утварь, их передали в Александрово-Невскую лавру. В первое после разорения время поморцы собирались на общую молитву тайно на Крестовском острове, тогда еще пустынном, куда приходилось ходить пешком. В последующие годы они начали нелегально собираться в одной из комнат дома на Моховой ул. Затем, после долгой судебной тяжбы, удалось вернуть Знаменскую моленную (как частную собственность) и преобразовать ее в домашнюю, что позволялось властями. В 1863 г. моленная была восстановлена в дворовом флигеле в частной квартире А. Д. Пиккиева и уже имела четырехрусный иконостас. В великие праздники из-за тесноты в ней нельзя было поднять руку для крестного знамения, а люди от духоты и жары нередко падали в обморок. Со временем начали возникать новые домашние моленные, куда негласно допускались верующие: Мартыанова на Ивановской ул., Самодурова на Боровой и другие. В 1887 г. поморцы смогли открыть еще одну моленную — на Лиговской ул., 73, в двухэтажном доме купца Синебрюхова, которая, правда, просуществовала не очень долго [Антонов, Кобак, 2010, 399]. С конца XIX в. главным благотворителем и покровителем в сношениях с властями для петербургских поморцев был купец 1-й гильдии Василий Александрович Кокорев.

В начале XX в. число последователей Поморского согласия составляло, по мнению ряда исследователей, около 1 млн человек. Издание императорского манифеста «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г., провозгласившего, что «отпадение от православной веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованию», и указа 1906 г. «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин», легализовавшего старообрядческие организации, коренным образом изменило положение последователей «старой веры» и в то же время усилило полемику как внутри согласий, так и между ними [Агеева, 2002, 715].

После опубликования манифеста «Об укреплении начал веротерпимости», разрешившего старообрядцам строить храмы с куполами и звонницами, петербургские поморцы воспользовались им одними из первых в России. Они довольно быстро собрали значительные средства; участок земли в границах Шпалерной, Тверской и Таврической ул., на котором уже имелась моленная, пожертвовала вдова купца В. А. Кокорева

Вера Ивановна. 6 августа 1906 г., на праздник Преображения, здесь был заложен храм по проекту художника и архитектора Дмитрия Андреевича Крыжановского.

Белый пятиглавый на гранитном цоколе храм Знамения Пресвятой Богородицы возвели в новгородско-псковском стиле; некоторые части здания — звонницу, галерею и основной объем — пристроили к более раннему двухэтажному строению. С северной стороны храма пристроили часовню для отпевания покойников. В прилегающих флигелях разместили школу (училище), мужскую богадельню, кухню, общую трапезную, свечную мастерскую и квартиры служебного персонала. Также на участке находился сад и место для захоронений. Стоимость строительства храма составила 107 тыс. рублей. 22 декабря 1907 г., через десять месяцев после регистрации общины, Знаменский храм был освящен [Зодчий. 1908. Вып. 45. С. 418–419; Антонов, Кобак, 2010, 399].

В этот период возникали новые общины, регистрировались старые, действовавшие ранее полулегально. Так, в конце 1911 г. была образована община поморцев из 40 человек, отделившаяся от Знаменской общины на Тверской ул. Она устроила свою моленную Успения Пресвятой Богородицы в частном деревянном доме Е. К. Овсянниковой за Нарвской заставой, на Балтийской ул., 5. Община была официально зарегистрирована 18 февраля 1912 г. В ее здании до 1918 г. существовала богадельня для старых и больных прихожан [Шульц, 1994, 224; Антонов, Кобак, 2010, 400].

Хотя в начале XX в. значение центра Поморского согласия перешло от столичной к московской общине на Преображенском кладбище, петербургский храм Знамения Пресвятой Богородицы, как самый большой в России, играл важную роль в жизни поморцев. В частности, его община в 1912 г. приобрела старейшее здание Данилова монастыря (Выголексинского общежительства) со всеми его святынями (ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1 Д. 645. Л. 29–30). Перед революцией 1917 г. в Петрограде проживало около 5000 поморцев, у которых было 25 наставников.

Наиболее распространенным в Санкт-Петербургской губернии до революции 1917 г. беспоповским согласием были федосеевцы. Это согласие зародилось в 1690-е гг. на Северо-Западе России. В первоначальный период становления его основные центры находились в Новгороде и Пскове, духовным отцом являлся происходивший из рода князей Урусовых дьячок новгородской деревни Крестецкий Ям (ныне г. Крестцы) Феодосий Васильев [Агеева, Шкаровский, 2015, 429]. С самого начала федосеевцы отличались непримиримостью к государству и строгим аскетизмом, они отрицали моление за царя на имя, а также «бессвященнословный брак». В течение XVIII в. отношения близких по вероучению поморцев и федосеевцев носили переменный характер. Их окончательное разделение произошло в начале XIX в., после соборного утверждения поморцами брачного чина.

К концу XVIII — началу XIX вв. федосеевцы, возглавляемые богатыми предпринимателями, становятся самым многочисленным и влиятельным согласием среди беспоповцев, в том числе в Санкт-Петербурге. Однако уже во второй половине XIX в. часть тяготившихся безбрачием федосеевцев перешла в Поморское согласие. В это время федосеевцы перестали играть руководящую роль в беспоповстве и постепенно превратились в замкнутую религиозную организацию. Некоторое оживление их деятельности происходило в 1905–1910-х гг., но в дальнейшем оно было прервано антирелигиозными акциями советских властей. Позднее большинство федосеевцев перешло в Поморское согласие [Миловидов, 1969].

Основным местом первоначального расселения старообрядцев в столице была обращенная к Москве юго-восточная часть города. Первая нелегальная федосеевская моленная в Санкт-Петербурге была основана в 1723 г. В 1767 г. ее перенесли к Семёновскому мосту через реку Фонтанку, и моленная стала в основном использоваться филипповцами. Еще одну небольшую деревянную моленную федосеевцы построили в 1762 г. на старообрядческом Малоохтинском кладбище. В 1789 г. вместо нее была возведена каменная моленная на средства купца Дмитриева, перестроенная в 1834 г., а также богадельня. Постепенно вокруг кладбища стали селиться старообрядцы, и этот

район надолго стал традиционно беспоповским. В начале 1852 г. все помещения у федосеевцев на Малоохтинском кладбище были отобраны и переданы Российской Православной Церкви. Однако через 13 лет, в 1865 г., поморцам удалось построить у северной ограды кладбища на ул. Оградской (ныне Помяловского), 6, на средства купца Михайлова новую женскую богадельню, которая вскоре перешла к федосеевцам. При богадельне была устроена небольшая моленная, действовавшая до 1919 г. Малоохтинским кладбищем управляли попечитель с помощником, избираемые советом общины. В 1912 г. на Малой Охте похоронили 50 старообрядцев, в 1913-м — 64, в 1914-м — 65 [Шульц, 1994, 223–224; Антонов, Кобак, 2010, 401].

В 1777 г. в ответ на просьбу купцов Дмитрия Воробьева и Петра Волкова федосеевцы получили на Черной речке (Волковке), вблизи православного Волкова кладбища, место для погребения. Там была построена небольшая деревянная моленная, деятельность которой первоначально осложнялась разногласиями с наставником, не всегда соблюдавшим строгий федосеевский устав, пока в 1778 г. из Москвы не приехал П. Федоров. В 1784 г. купец 1-й гильдии Ф. Ф. Косцов выстроил на кладбище мужскую каменную богадельню и при ней моленную. Указом императора Павла I от 12 марта 1798 г. старообрядцам было разрешено строить молельные дома во всех епархиях, чем федосеевцы вскоре воспользовались [Животов, 1891, 46–66; Расков, 2000, 53–57].

В 1807 г. рядом с уже имевшейся богадельней на Волковом поле им выделили новый участок для захоронений, на котором была устроена женская богадельня, состоявшая из нескольких двухэтажных каменных зданий, в одном из них находилась отдельная моленная для женщин (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. Д. 14. Л. 1). 22 января 1809 г. в Санкт-Петербурге прошел имевший большое значение собор федосеевцев под руководством известного наставника Якова Васильевича Холина (1753–1820), в котором также участвовали наставники Герасим Никитич Ошера (1752–1826), Иван Тиханов (1757–1825), Иван Федотов (1771–?), Афанасий Акинфиев (1737–1811). На соборе было принято постановление по основным вопросам федосеевского вероучения, состоящее из 17 статей (так называемые «Петербургские статьи»), несколько смягчившее отношение к староженам и новоженам и ужесточившее порядок присоединения поморцев. Эти послабления некоторые федосеевцы не приняли, что привело к расколу и образованию Аристового согласия (по имени петербургского купца Аристова), впрочем, не получившего особого распространения [Сборник для истории старообрядчества, 1864, I, 22–73; Мальцев, 2006, 366–372].

В 1810-е гг. попечителями Волкова кладбища являлись купец Сухачев и подрядчик А. Яковлев, наставниками общины были И. Тиханов, Г. Н. Ошера и А. Алексеев-Кайнов. В 1820 г. городские власти установили особые правила для этого кладбища, распространенные на другие федосеевские общины. Полиция должна была наблюдать за всеми действиями прихожан, иметь список лиц, находившихся в богадельнях, проверять наличие паспортов. Несмотря на постепенное ужесточение государственной политики в отношении старообрядцев, община на берегах Волковки постоянно росла. Чинное богослужение, значительное число прихожан и состоятельные попечители сделали Волково кладбище одним из центров старообрядцев-беспоповцев в стране [Пивоварова, 2003, 150–156; Агеева, 2005, 233].

В апреле 1847 г. богадельни на кладбище были подчинены Санкт-Петербургскому Попечительскому совету общественного призрения. В конце 1852 г. они стали обычными городскими, наряду со старообрядцами в них начали помещать православных призреваемых, и в 1853 г. у федосеевцев отобрали и передали Российской Православной Церкви здание мужской богадельни с моленной, подозревая местную общину в связях с митрополитом Амвросием. 3 апреля 1854 г. в помещении бывшей моленной (на первом этаже левого корпуса) была освящена православная церковь Успения Пресвятой Богородицы (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. Д. 14. Л. 1). В 1860 г. этот храм расширили по проекту архитектора Ф. И. Эппингера, пристроив алтарную часть, и снова освятили 20 ноября 1860 г. В 1867–1868 гг. архитектор И. А. Варнек пристроил к зданию богадельни двухэтажный корпус Александровского отделения, куда перенесли обновленный

Успенский храм, освященный 12 ноября 1868 г. в присутствии императора Александра II. В эту церковь перенесли бывший иконостас старообрядческой моленной со старинными иконами начала XVIII в. В 1871 г. на средства купцов-федосеевцев В. Долгова, Е. С. и Ф. С. Егоровых, В. Глотова корпус надстроили третьим этажом с куполом, увенчанным восьмиконечным крестом, и в Александровском отделении, помимо помещений для призываемых, разместилась школа для детей старообрядцев [Зодчий. 1881. Вып. 11. С. 91; Антонов, Кобак, 2010, 330].

В управлении оставшейся у федосеевцев женской богадельней для наблюдения за старообрядцами участвовал чиновник Министерства внутренних дел. В 1850-х гг. их наставниками на Волковом кладбище были Фирс, Антоний и Митрофан, главными попечителями общины в 1870-х гг. являлись купцы 1-й гильдии Е. С. Егоров и А. И. Латынин. В 1871–1872 гг. здание женской Волковской богадельни по проекту архитектора И. А. Варнека было расширено, надстроено и получило небольшую главку с восьмиконечным крестом. Именованная «собором» домовая моленная Преображения Господня размещалась на первом этаже и имела четырехъярусный иконостас из красного дерева. В хоре моленной пели «белички» — женщины, давшие обет безбрачия. На втором этаже молились другие беспоповцы. В 1884 г. федосеевцы начали возводить на берегу реки Волковки по проекту архитекторов Ф. И. Габерцеттеля и А. О. Томишко новый трехэтажный каменный корпус «в русском стиле» в память императора Александра II. Так как расположенная в центре здания моленная была увенчана куполом, ее долго не разрешали открыть, хотя богадельня уже действовала. Позже это здание заняли единоверцы [Шульц, 1994, 224; Антонов, Кобак, 2010, 400].

Во второй половине XIX в. около 30 лет неофициальным руководителем петербургских федосеевцев был купец 1-й гильдии Ефим Савельевич Егоров (1823–1895), помощник попечителя и председатель комитета Волковской богадельни, а также попечитель Преображенского кладбища в Москве. В последней четверти XIX — начале XX в. на молениях на Волковом кладбище присутствовали от 6 до 10 тыс. старообрядцев, службой руководила уставщица Ульяна Кондратьевна, наставниками были Симеон, Иоанн и Агафон, расхоронившиеся в своих воззрениях на брак. При моленной существовало значительное собрание старинных рукописей и книг. 8 февраля 1907 г. федосеевская община на кладбище была зарегистрирована Санкт-Петербургским губернским правлением [Нильский, 1892, 774–776; Новое здание, 1889, 36–37; Агеева, 2005, 234–235]. К этому времени в Волковской богадельне призывалось 600 человек.

В 1876 г. за Московской заставой, вблизи Волкова кладбища, на частном участке купца И. В. Киржакова был основан женский скит Федосеевского согласия с богадельней и школой. Скит размещался в четырех двухэтажных деревянных домах, в одном из которых, по адресу: Волковская ул., 19, находилась моленная, действовавшая до 1936 г. Два других дома предназначались для певчих девиц и призываемых пожилых женщин, а в четвертом располагалась больница. Отдельно имелись дворничья, странноприимная, пекарня, баня, скотный двор и келья для наставника; кроме того, скиту принадлежал земельный участок для покоса и выпаса скота. Старшая сестра скита мать Олимпиада (З. М. Куронина) получила поставление от матери Евникии с Преображенского кладбища Москвы. По донесениям пристава 3-го участка Александрово-Невской части от 9 декабря 1885 г., в ските проживало около 163 человек, из которых женщин было 154, мужчин — 6, и три маленькие девочки. После выхода в 1905 г. императорского указа «Об укреплении начал веротерпимости» община не стала официально регистрироваться и оставалась до 1917 г. «необщинической» [Нильский, 1890, 372].

В середине XIX в. от федосеевцев откололись признававшие брак новоженцы, которые за венчанием обращались в православные или единоверческие церкви. Их число в Санкт-Петербурге составляло 800–900 человек. Моленная новоженов до начала XX в. находилась на Воронежской ул., в доме Самодурова, а затем была закрыта [Антонов, Кобак, 2010, 400]. К 1917 г. в Петрограде проживало около 6000 федосеевцев.

Третьим согласием беспоповцев, представленным в Санкт-Петербурге, были филипповцы, отделившиеся от поморцев в царствование Анны Иоанновны. Основателем

этого согласия являлся инок Данилова монастыря на Выге (Выголексинского общежителства) Филипп (Фотий Васильев), бывший новгородский стрелец. По имени старца его последователей стали называть филипповцами, а по обычаям — старопоморцами, то есть последователями поморцев, бывших до возобновления моления за царя. К началу 1760-х гг. Филипповское согласие значительно выросло за счет присоединения к нему ряда поморских общин.

Уже вскоре после возникновения своего согласия филипповцы появились в Санкт-Петербурге — в 1767 г. купец Ф. Ф. Косцов приобрел на наб. реки Фонтанки, вблизи Семеновского моста, деревянный дом, где они устроили первую моленную. Когда на этом месте в середине 1840-х гг. возвели каменный дом, моленная переехала в него и оставалась здесь до закрытия ее властями в 1848 г. Некоторое время после этого верующие еще продолжали нелегально собираться в верхнем этаже здания.

В начале XIX в. в Московской части, в доме Дмитриева на Коломенской ул. была устроена еще одна моленная филипповцев, занимавшая большую комнату на 150 человек. В середине века при моленной жил иконописец Н. С. Рачейсков, с которым беседовал писатель Н. С. Лесков, отразивший эти разговоры в рассказе «Запечатленный ангел». В 1880-е гг. моленная филипповцев на Коломенской ул. помещалась в деревянном двухэтажном здании на каменном фундаменте. В 1911–1913 гг. флигель дома, принадлежавшего известным деятелям старообрядчества П. И. Киржакову и И. И. Семенову, был перестроен в стиле модерн, специально для моленной и квартир служителей, по проекту архитектора Ф. Ф. Лумберга. По имени одного из новых хозяев, Павлина Ивановича Киржакова, моленная стала называться в народе Киржаковской [Кожурин, 2007, 262, 265].

В 1860-е гг., при императоре Александре II, филипповцы создали на Песках, в другом доме Дмитриева (Большая Болотная ул., ныне ул. Моисеенко, 31), тайную моленную с большим количеством старинных икон. В 1883 г. она была официально разрешена. Хотя численность этой общины в начале XX в. составляла около 300 человек, их моленная вмещала значительно больше людей [Антонов, Кобак, 2010, 402]. Петербургские филипповцы преимущественно были или уроженцами Поморья из Олонецкой и Архангельской губерний, или пошехонцами.

На территории Санкт-Петербургской губернии старообрядцы, в том числе беспоповцы, появились со времени ее создания — в первой четверти XVIII в., но первоначально подвергались гонениям. Именно в этот период староверы — выходцы из Архангельской и Вологодской губерний основали в Царскосельском уезде известную и в настоящее время деревню Лампово. В начале 1860-х гг. федосеевцы устроили там моленную в доме Василия Федотова. В 1905 г. в деревне был построен новый большой деревянный молитвенный дом свт. Христова Николы (Николая Чудотворца), приписанный к федосеевской моленной на Волковом кладбище в Санкт-Петербурге. В 1909 г. в общину входили 959 старообрядцев, впервые она была зарегистрирована только в 1917 г. В Лампово также находилось старообрядческое кладбище с часовней.

При императрице Екатерине II, в 1760-е гг., на территории столичной губернии возникли поселения староверов, переселившихся из Речи Посполитой. По числу моленных выделялись Новоладожский, Царскосельский и Лужский уезды [Агеева, Шкаровский, 2015, 429].

Значительное распространение старообрядцы традиционно имели на территории Тихвинского уезда Новгородской губернии, входящей ныне в состав Ленинградской области. Здесь большое значение имели новгородские традиции. В частности, известными старообрядческими деятелями и писателями XVIII в. были «новгородич» Никита Марков, тихвинские Михей Алексеев (1710–1794) и Иван Тихонов (1757–1825). В синодиках имеются указания о происхождении старообрядцев «из Корелы», Тихвина, Русы (Старой Руссы). В числе приверженцев Федосеевского согласия были не только русские, но и значительное число переселенцев из Карелии еще в середине XVII в.

Современная территория Ленинградской области объединяет две различные старообрядческие зоны Северо-Запада России: преимущественно поморцев (бывшие

Новоладожский, Лужский уезды Санкт-Петербургской губернии и Лодейнопольский уезд Олонецкой губернии), тяготевших на рубеже XIX–XX вв. к беспоповцам Санкт-Петербурга, и федосеевцев и филипповцев Тихвинского и некоторых других уездов, связанных с московским Преображенским кладбищем. В частности, в Тихвинском уезде моленные федосеевцев в начале XX в. действовали в деревнях Новинка, Бирючево, Моклаково, Забелино, Логиново, Сара, Нос и др. (ныне Бокситогорский район). Определенное влияние также имели череповецкие скиты, преимущественно Филипповского согласия.

Заметным районом расселения федосеевцев были деревни Деделово, Кочково, Нечанье и Мегино Новоладожского уезда (ныне Чудовский район Новгородской области). Старообрядцы-беспоповцы были относительно многочисленны и в других частях этого уезда — в деревнях Мелехово, Липовик, Меневша и др. (современные Волховский и Киришский районы Ленинградской области). В частности, д. Лавния, где находился молитвенный дом свт. Христова Николы, являлась важным центром книго- и иконописания. На ее старообрядческом кладбище сохранилось много крестов с надписями полууставом на оборотной стороне. В 1860–1890-е гг., по данным государственной статистики, наблюдался постоянный прирост староверов в Новоладожском уезде: в 1866 г. их было 4127 человек, в 1871 г. — 5591, в 1897 г., по материалам переписи, — 5713, а в начале XX в. численность достигла 6 тысяч [Фишман, 2003; Королькова, 2008, 88–99; Агеева, Шкаровский, 2015, 429]. Согласно Первой всероссийской переписи 1897 г., в других уездах губернии проживало еще более 2500 старообрядцев: 1239 — в Царскосельском, 450 — в Петергофском, 462 — в Санкт-Петербургском и пригородных селах, 213 — в Лужском, 109 — в Шлиссельбургском уезде и т. д. [Королькова, 2014, 273].

По официальным данным, в 1910 г. численность старообрядцев Санкт-Петербургской губернии (со столицей) составляла 19658 человек (1,13 % населения). Но по подсчетам Л. В. Корольковой, сделанным на основе архивных анкетных данных 1910–1912 гг., их было гораздо больше — 31576 человек, в том числе 827 поповцев (453 мужчины, 374 женщины), 17553 поморцев (8396 мужчин, 9157 женщин), 6358 федосеевцев (3168 мужчин, 3190 женщин), 14631 беспоповец, других согласий или не указавший их, и 12207 человек, вообще не указавших толк. После 1907 г. в Санкт-Петербургской губернии (без столицы) было официально зарегистрировано 14 старообрядческих общин (7182 человек), в том числе поморцы создали 11 общин (в них вошли 5212 человек). Поморцам принадлежали 22 моленные, имелось 13 зарегистрированных наставников и 4 не зарегистрированных. У федосеевцев к 1912 г. 1970 человек объединились в три общины; им принадлежали 19 моленных, числилось 2 зарегистрированных наставника и 14 не зарегистрированных [Королькова, 2014, 274].

Всего в конце XVIII — начале XX вв. в разное время на территории губернии (без Санкт-Петербурга), по подсчетам Л. В. Корольковой, дополненным автором статьи, действовало около 100 старообрядческих храмов и моленных, в том числе в Новоладожском уезде — 67, Царскосельском — 16 и Лужском — 14. Кроме того, в двух уездах других губерний, входящих в настоящее время в состав Ленинградской области, имелось еще более 20 моленных: в Тихвинском уезде Новгородской губернии — не менее 13 и в Лодейнопольском уезде Олонецкой губернии — 10 [Королькова, 2018, 68–72].

К 1917 г., по подсчетам автора статьи, численность старообрядцев в Петрограде составила около 21 тысячи человек: более 3000 единоверцев, свыше 5500 представителей Белокриницкого согласия, менее 500 беглопоповцев и 12 тысяч беспоповцев: 6000 федосеевцев, 5000 поморцев и около 1000 филипповцев. При этом в городе действовало 9 единоверческих храмов, 7 — Белокриницкого согласия (в том числе 2 «неокружников»), 1 — беглопоповцев и 7 моленных не приемлющих священство старообрядцев: 3 — федосеевцев, 2 — поморцев и 2 — филипповцев (всего 24 храма). В столичной губернии без Петрограда проживало еще не менее 20 тысяч старообрядцев, имевших 56 церквей и моленных: 5 — единоверческих, 2 — Белокриницкого согласия и 49 — беспоповцев, в основном поморцев и федосеевцев. Больше всего подобных

храмов на территории губернии было в Новолодожском, Царскосельском и Лужском уездах [Агеева, Шкаровский, 2015, 429].

Революция 1917 г. временно улучшила положение старообрядцев всех толков, но в наибольшей степени это смогли использовать последователи Поморского соглашения, которые завершили процесс организационного объединения и создали высшие органы управления. В августе 1917 г. в Москве состоялось Всероссийское совещание, на котором было разработано и одобрено «Положение о Церкви поморцев в России», предусматривавшее учреждение высших и поместных (губернских, областных, республиканских) духовных советов. В 1917–1919 гг. выходил «Вестник Всероссийского союза христиан Поморского соглашения» (под редакцией В. Н. Хвальковского). В марте 1923 г. на заседании Совета всероссийских соборов и съездов в Москве был образован Высший духовный совет поморцев. В 1920-х гг. большую роль в жизни соглашения, стремившегося сохранить свое духовное наследие, также играли соборные заседания, проходившие в разных регионах страны [Агеева, 2007, 140–141].

Вскоре после образования Временного правительства в Петрограде совет общины Федосеевского соглашения обратился к нему с заявлением о своих нуждах, в частности о возвращении общине Волковской богадельни, и «встретил сочувствие». Уже 10 марта комиссары правительства, депутаты Государственной Думы Е. П. Ковалевский и М. М. Ичас посетили богадельню, где под их руководством состоялось совещание представителей общины с попечителем и членами комитета Волковской богадельни. По предложению комиссаров до полного разрешения дела три представителя старообрядцев вошли в состав комитета богадельни. Однако окончательно рассмотреть этот вопрос Временное правительство не успело (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. Д. 14. Л. 1 об.).

30 апреля 1917 г. петроградские федосеевцы отправили принятую на общем собрании приветственную телеграмму в адрес Петросвета (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 9. Д. 159. Л. 141). Российские старообрядцы, как беспоповцы, так и поповцы, приняли активное участие в выборах в Учредительное собрание, представив свои списки кандидатов. Правда, они не добились успеха, даже первые номера их списков не прошли ни в одном из округов [Керов, 2020, 174–185]. Октябрьский переворот 1917 г. большинство беспоповцев резко осудили, назвав новое правительство «бичом Божиим» [Керов, 2018, 143–160].

Некоторое время после революции сохранялись зарубежные связи, в частности, в 1917–1919 гг. федосеевская община деревни Лампово Царскосельского уезда поддерживала тесные контакты со старообрядцами Латвии, оттуда прибывали духовные отцы. Так, из Риги приехал в Лампово один из местных духовных отцов — Иван Иванович Алексеев, который в 1918–1919 гг. организовал в деревне обучение солемому пению и письму по-церковнославянски (за два года он обучил 25 девочек) [Цыпкин, 1991, 433].

Однако уже в 1919 г. начались различные стеснения и ограничения со стороны органов советской власти, в том числе в Петрограде. Приступив к реализации декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», Совет комиссаров Союза коммун Северной области в своем постановлении от 2 декабря 1918 г. потребовал от всех приходских общин под угрозой предания революционному суду предоставления в двухнедельный срок сведений о капиталах, инвентарных описей богослужебного имущества и немедленной передачи советам собственности, не предназначенной для богослужебных целей. Для регистрации в райисполкомах Петрограда приходские общины должны были предоставить свои уставы, протоколы собраний об их принятии, списки своих членов и состава приходского совета, с адресами и анкетными данными, метрические книги за 25 лет (ЦГА СПб. Ф. 143. Оп. 1. Д. 123. Л. 68–69; Ф. 7384. Оп. 33. Д. 251. Л. 15). В соответствии с этим постановлением были национализированы земли, банковские вклады и дома религиозных организаций.

В 1919 г. в Петрограде зарегистрировали пять беспоповских старообрядческих общин (две другие общины вскоре ликвидировали). Затем советские власти потребовали заключения договоров о принятии от районных советов общинных зданий

и имущества в пользование прихожан. Собрания членов общин стали проводиться только по специальному разрешению и под председательством инструктора отдела юстиции Петроградского совета. Так, федосеевская община при Волковом кладбище 19 сентября 1919 г. получила сообщение отдела юстиции об отношении отдела топлива, что в текущем отопительном сезоне из-за отсутствия дров храмы будут лишены права потребления топлива, а 27 октября — новое сообщение с предписанием провести 9 ноября 1919 г. собрание прихожан, подписавшихся под договором (ЦГА СПб. Ф. 7879. Оп. 1. Д. 43. Л. 1, 6). Еще в 1918 г. на базе Волковской Александровской богадельни было создано государственное 2-е убежище социального обеспечения.

Наибольшее внимание советских властей привлек храм Поморского согласия Знамени Пресвятой Богородицы на Тверская ул. Его настоятелем (старшим наставником) к началу 1917 г. был Стефан Илларионович Волков, председателем совета общины — Иван Иванович Кондратьев, а наставником Петр Кириллович Кириллов (Весь Петроград. 1917. Стб. 929, 982). 28 января 1919 г. им пришлось дать Рождественскому районному совету расписку в том, что в двухнедельный срок будут сообщены сведения о принадлежащих общине имуществах и капиталах. 8 февраля райсовет прислал предписание срочно сообщить все сведения согласно расписке, и 17 февраля 1919 г. представители общины передали районным властям требуемые документы, в том числе составленную 1 февраля подробную опись церковного имущества, перечень расписок Государственного банка и других денежных документов.

28 мая Рождественский райсовет отправил совету общины письмо с требованием немедленно сдать в гражданский отдел метрические книги за последние 25 лет под угрозой уголовной ответственности, что, впрочем, к тому времени уже было сделано. Через несколько месяцев дело дошло до реквизиции банковских вкладов. 18 октября 1919 г. отдел юстиции Петросвета сообщил в Народный банк об аннулировании капитала, принадлежащего Петроградской христианской общине старообрядцев Поморского согласия, а также написал в Государственный контроль и Комиссариат просвещения о перечислении в доход казны аннулированного капитала общины.

2 декабря отдел юстиции указал совету общины провести собрание прихожан для избрания членов приходского совета, что было сделано 7 декабря. Через неделю, 14 декабря, с ними был подписан договор о передаче в бессрочное бесплатное пользование общине богослужебного имущества и здания на Тверской ул., 8. Как позднее выяснилось, этот договор оказался не бесплатный и не бессрочный. В соответствии с инструкцией Наркомата юстиции, в 1918 г. при храме были закрыты все благотворительные заведения, а их имущество национализировали и вывезли. Так, например, 17 декабря 1919 г. отдел юстиции Петросвета с негодованием писал в отдел социального обеспечения об обнаружении в Знаменском храме вещей, принадлежавших упраздненному приюту (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 255. Л. 1–12).

В том же году была закрыта моленная Федосеевского согласия при Малоохтинском кладбище и национализирована богадельня, построенная И. П. Михайловым в 1865 г. на ул. Оградской (ныне Помяловского), 6. Скит при богадельне ликвидировали, ее здание приспособили под жилье и позднее снесли, большинство захоронений на старообрядческом участке кладбища уничтожили [Антонов, Кобак, 2010, 401]. В начале 1920-х гг. оказалась закрыта и домовая моленная Филипповского согласия на Песках, на ул. Моисеенко (Большой Болотной), 31.

Правда, в июле 1922 г. общине федосеевцев передали православную церковь Успения Пресвятой Богородицы, устроенную вместо отнятой в 1853 г. у них молельной, расположенную в трехэтажном здании Александровской богадельни у входа на Волково кладбище (наб. р. Волковки, 3). Еще в 1918 г. вместо богадельни было создано 2-е убежище социального обеспечения. Приход при Успенской церкви был образован в марте 1918 г. и утвержден указом Духовной консистории от 15 мая, согласно резолюции митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина от 14 апреля 1918 г. Однако церковь оказалась закрыта и опечатана 29 мая 1922 г. после изъятия из нее ценностей (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 7. Д. 1. Л. 259–273).

Воспользовавшись ситуацией, 12 июня совет Волковской общины старообрядцев Федосеевского согласия обратился к заведующему церковным столом 1-го Городского района А. Мичурину с ходатайством, в котором говорилось: «Ввиду закрытия церкви Успения Пресвятой Богородицы, что на Волковке д. 3, просит Вас ходатайствовать перед Президиумом Петрогубисполкома о разрешении нашему Христианскому старообрядческому обществу Федосеевского согласия совершать в названной бывшей церкви богослужение по старообрядческому обряду беспоповцев, так как названное помещение со дня основания — с 1777 г. его старообрядцами по 1852 г. принадлежало им, и в 1852 г. самодержавной властью отнято от нас и превращено в православную церковь, так как переносить находящиеся там иконы не представляется возможным, вследствие их ветхости и древности, просим исправить вековую несправедливость и возвратить старообрядцам отнятую у них святыню» (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 7. Д. 1. Л. 304).

14 июля 1922 г. Успенскую церковь осмотрел представитель Главмузея, отметивший в акте, что наиболее ценные иконы времен Петра I ветхие и не могут быть вынуты из иконостаса. На следующий день заведующий районным столом регистрации обществ отправил докладную записку о результатах осмотра в отдел управления исполкома 1-го Городского района, отметив, что, по его мнению, храм следует передать в пользование старообрядцев. В результате в том же месяце Успенскую церковь передали в пользование общине федосеевцев с условием взять на себя обеспечение его сохранности и необходимого ремонта (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 7. Д. 1. Л. 302–306; Ф. 1221. Оп. 1. Д. 46. Л. 11, 53, 86).

В ноябре 1922 г. созданное на базе старообрядческой Волковской богадельни 2-е убежище социального обеспечения было ликвидировано, инвалидов перевели в другое помещение, а проживавшие в убежище престарелые старообрядцы не захотели переселяться далеко от своих храмов. Губсобес удовлетворил ходатайство совета федосеевской общины и передал некоторые помещения вблизи моленных для проживания призреваемых. Основную часть помещений бывшей Волковской богадельни заняло 3-е военное общежитие им. Ракова, из которого 22 декабря 1922 г. совету общины передали для призреваемых белье и инвентарь. 8 января 1925 г. Ленгубсобес выдал совету старообрядческой общины удостоверение о передаче в его полное ведение общежития престарелых со всем инвентарем и имуществом. Вновь возникшее в конце 1922 г. на Волковом кладбище старообрядческое убежище хотя и содержалось на пожертвования прихожан, присылало в Ленгубсобес квартальные отчеты (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. Д. 14. Л. 2–7).

С этого времени до конца 1920-х гг. федосеевская община Волкова кладбища имела в своем пользовании три здания: Преображенский «собор», в здании которого в мае 1926 г. проживали 33 призреваемых, Успенский «собор» (в здании жили 4 призреваемых и 6 певчих), а также двухэтажную пристройку к трехэтажному каменному флигелю общежития им. Ракова, в которой проживали 6 призреваемых, 3 певчих, сторож и 2 наставника — Афанасий Титович Строев (служивший с 1901 г.) и Тимофей Алексеевич Дубковский (наставник с 1913 г.). 3 ноября 1926 г. община при Успенской и Преображенской моленных представила властям свой устав, списки служителей культа, организаторов (учредителей) общины и членов совета (его председателем был крестьянин Савелий Федорович Глухов). 8 ноября административный отдел Ленгубисполкома переслал отчетные материалы общины в губотдел ГПУ на его усмотрение, и 20 ноября из ГПУ сообщили об отсутствии возражений (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. Д. 14. Л. 9–11, 22–24, 34–36, 54–55).

Сложившаяся ситуация не вполне устраивала власти. В частности, в рапорте начальника отделения административного надзора Овсянникова в административный отдел Ленгубисполкома о результатах обследования Успенской и Преображенской моленных от 30 ноября 1926 г. говорилось: «В настоящее время старообрядческая двадцатка содержит богадельню, причем богадельня призреваемых связана со старообрядческим молитвенным домом Преображения Господня, что является незаконным, во-первых потому, что молитвенный дом имеет характер домашнего, во-вторых

потому, что двадцатка содержит благотворительное учреждение, тогда как этого права ей не предоставлено» (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. Д. 14. Л. 33–33 об.).

Впрочем, губернское руководство до определенного времени смотрело на эти нарушения сквозь пальцы. Так, в отношении административного отдела Ленгубисполкома заведующему Ленгубсобесом от 30 декабря 1926 г. говорилось: «По имеющимся в АОЛГИ сведениям старообрядческие религиозные общества и двадцатки, состоящие на учете Отделения Адмнадзора (находящиеся по реке Волковка, д. № 3 и по Волковской ул., д. № 19), содержат в настоящее время богадельни, в которых призываются престарелые старообрядцы, как женщины, так и мужчины. Согласно инструкции Н[ародного] К[омиссариата] Ю[стиции] от 24.08.1919 религиозные благотворительные общества подлежат закрытию. Принимая во внимание, что ликвидация указанных богаделен поставит находящихся в них призываемых в тяжелое положение и вызовет нарекания со стороны верующих старообрядцев, АОЛГИ полагает, что ликвидация богаделен в настоящее время нецелесообразна, тем более, что старообрядцы могут организовать особое благотворительное общество подобное тому, которое утверждено во всероссийском масштабе евреями...» (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. Д. 14. Л. 32). При этом вся подобная деятельность находилась под жестким контролем и постоянной угрозой полного запрета.

Контроль за старообрядческими общинами особенно ужесточился с 1922 г., что было связано с проведением кампании по изъятию церковных ценностей. В начале этого года Знаменская община поморцев вновь прошла регистрацию и заключила новый договор о передаче в ее пользование богослужебного здания и имущества. 9 марта и 13 июня 1922 г. приходской совет был вынужден посылать коменданту Смольнинского района ходатайство о разрешении созыва общих собраний прихожан для утверждения финансового отчета, переизбрания членов совета и ревизионной комиссии, решения вопросов о средствах на содержание храма, настоятеле и клире. 15 мая Смольнинский районный совет указал настоятелю и председателю приходского совета предоставить сведения о количестве говеющих верующих в приходе. 29 апреля был проведен осмотр Знаменского храма представителями комиссии по изъятию церковных ценностей и Главмузея, а 27 мая состоялось изъятие серебряных риз и некоторых других предметов. Ряд ценностей был выкуплен прихожанами собранным ими равным по весу количеством серебра и оставлен в храме. Некоторые из них взял на учет Государственный Музейный фонд (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 255. Л. 51–96).

21 февраля и 3 июля 1923 г. уже Петроградский губисполком выдавал удостоверения о разрешении провести общие собрания прихожан для обсуждения финансового отчета за минувший год, ремонта крыши храма, покраски здания, ремонтных работ на старообрядческом Малоохтинском кладбище и других текущих дел. В первой половине 1923 г. Знаменская община взяла в аренду кладбище на Малой Охте бесплатно, но с условием его полного ремонта (9 июня 1925 г. был заключен соответствующий договор на пять лет). С 1923 г. все члены приходского совета должны были предоставлять справки об отсутствии судимости, которые им пришлось получить 26 марта в управлении Петроградского губернского уголовного розыска. Имевших судимость исключали. 6 июня 1923 г. совет Знаменского храма был внесен в реестр церковно-приходских советов Петрограда под № 88. В августе 1923 г. был зарегистрирован устав общины, в нее тогда входили 107 членов, а председателем был Фока Логинович Логинов (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 8. Д. 72. Л. 23–29).

18 января 1924 г. Центральный райсовет написал приходскому совету о необходимости составления новой описи церковного имущества, и в случае обнаружения кражи — списка украденных вещей. В связи с этим 26 февраля и 1 апреля были составлены новые инвентарные описи. 13 февраля подготовленный по требованию властей устав общины был зарегистрирован райисполкомом. 24 апреля храм подвергся ночному ограблению, воры похитили несколько серебряных риз, две из которых находились на иконах, охраняемых Государственным Музейным фондом. 25 апреля

представители общины известили об этом райсовет и представили список украденных вещей. В тот же день храм обследовали сотрудники Музейного фонда, агенты же Уголовного розыска составили акт об обследовании молитвенного дома после кражи только 30 апреля. 31 мая 1924 г. сотрудники Государственного Музейного фонда провели осмотр и экспертизу всех старинных икон, взяв их на учет (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 255. Л. 143).

27 ноября 1924 г. Знаменский храм вновь подвергся ограблению. В связи с большими ремонтными работами у общины не было достаточно средств, чтобы возместить властям полную стоимость похищенного, и 31 декабря она обратилась в районный стол регистрации с ходатайством о возможности возмещения украденных вещей пожертвованными прихожанами иконами в серебряных ризах такого же веса, однако получила категорический отказ (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 279. Л. 9, 11).

30 января 1925 г. общее собрание прихожан утвердило ходатайство к председателю ВЦИК М. И. Калинину в связи с желанием рабочих водопровода закрыть храм и занять его здание под свой клуб, а также выбрало членов делегации для поездки с этим ходатайством в Москву (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 8. Д. 72. Л. 99). На другом общем собрании — 21 марта 1926 г., были приняты решения об оказании материальной помощи арендаторам старообрядческого Малоохтинского кладбища и приглашении на собеседование в храм известного начетчика, выбранного Саратовским областным советом Поморского согласия. Представителей Знаменской общины также пригласили на торжественные молебствия и совещание в храме поморской общины Москвы. На каждом собрании в состав общины принимали новых прихожан. Согласно представляемым властям спискам, число ее совершеннолетних членов выросло со 107 в августе 1923 г. до 254 в июне 1928 г. (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 8. Д. 72. Л. 87–95, 130). Помимо этих списков ежемесячно требовалось предоставлять отчетные сведения о деятельности общины и финансовые отчеты.

Подобная ситуация ужесточения контроля советских властей существовала и в Петроградской (Ленинградской) губернии. Так, в Гатчине с конца XIX в. действовал деревянный храм св. Михаила Архангела при старообрядческом участке Нового кладбища на окраине города (Церковная ул., 7), община которого в 1893 г. насчитывала 83 человека. Однако в ноябре 1920 г. она была официально образована с разрешения местных властей, представитель которых присутствовал на первом общем собрании 14 ноября. В дальнейшем подобные представители участвовали в работе всех общих собраний прихожан. Даже заседания церковного совета должны были проходить с санкции властей и после оплаты специального сбора за разрешение их проведения. В частности, 18 мая 1922 г. отдел управления уездного исполкома указал председателю церковного совета Л. Трусову срочно сообщить, «чем было вызвано самовольное заседание» совета 9 мая. Ответное письмо председателя не удовлетворило власти, и 23 мая отдел управления написал Л. Трусову о необходимости уплатить штраф 2 миллиона рублей за самовольное заседание совета (ЦГА СПб. Ф. 6830. Оп. 1. Д. 100. Л. 21, 24–25).

20 мая 1922 г. на общем собрании прихожане впервые выбрали членов двадцатки, а 11 июня в присутствии представителя уездного исполкома Шелковской подписали договор о пользовании храмом, в тот же день состоялась тщательная проверка имущества общины. 1 августа 1922 г. отдел управления указал церковному совету срочно прислать устав, и только после его получения, 10 августа, было выдано удостоверение о регистрации общины. В отчетных документах также имелись сведения обо всех членах двадцатки, церковного совета и наставнике Василии Федоровиче Столярове, служившем с 1910 г. (ЦГА СПб. Ф. 6830. Оп. 1. Д. 101. Л. 32 об.–34 об.). 25 мая 1924 г. была проведена проверка инвентаря, составлены новые опись имущества и список членов двадцатки. 1 июня 1925 г. наставник В. Ф. Столяров представил свою анкету в уездный исполком (ЦГА СПб. Ф. 5836. Оп. 36. Д. 34. Л. 1–2).

В более отдаленных от Петрограда (Ленинграда) уездах процесс регистрации старообрядческих общин сильно затянулся. Так, в Волховском уезде в 1923–1924 гг. были

зарегистрированы лишь 11 общин: в деревнях Безово, Бор, Вельцы, Верховина, Деделово, Лавния, Липовик, Меньвша, Морозово, Моршагины и Нечанье (ЦГА СПб. Ф. 7838. Оп. 4. Д. 9; Д. 10). С верующими заключили договор о пользовании моленными, составили описи имущества, списки служителей культа и членов десяти (в приходские советы разрешили входить 10 людям). Однако значительная часть общин уклонялась от регистрации. В частности, 14 октября 1924 г. административный отдел уездного исполкома написал в Колчановский и Пашский волостные исполкомы о необходимости заключить договоры с общинами Поморского согласия в пяти деревнях (ЦГА СПб. Ф. 7838. Оп. 4. Д. 13. Л. 10, 12). Но властям удалось зарегистрировать из них лишь одну — в д. Низино. Кроме того, в 1925–1926 гг. в Волховском уезде были зарегистрированы еще две общины в Пролетарской волости — в деревнях Наволок и Пороги.

В связи с разгулом послереволюционной преступности в Петрограде ограблению подвергались многие старообрядческие храмы. В частности, осенью 1922 г. была ограблена моленная Федосеевского согласия на Волковской ул., 19, взятая в этом году под государственную охрану как «редчайший художественно-исторический и бытовой ансамбль». Хотя община была зарегистрирована в 1920 и начале 1922 гг., 9 октября 1922 г. на заседании Совета по делам музеев Петроградского управления научных учреждений был обсужден вопрос о ликвидации моленной и передаче ее помещения в Совет по делам реставрации (ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 488. Л. 11 об.). 16 февраля 1923 г. Петроградское управление научных учреждений сообщило Обществу изучения популяризации и художественной охраны старого Петербурга и его окрестностей о том, что моленная ввиду большой художественной ценности не может быть перестроена без разрешения реставрационной мастерской при управлении (ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 919. Л. 20 Д. 919. Л. 20–21). 5 июля 1923 г. это общество сформулировало условия передачи охраны моленной общине Федосеевского согласия, что и было сделано. Однако еще несколько лет Общество изучения популяризации и художественной охраны старого Петербурга контролировало сохранность имущества моленной (ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 919. Л. 20 Д. 919. Л. 168; Ф. 7384. Оп. 33. Д. 5. Л. 1). Ее наставником в 1920-е гг. был Алексей Иванович Козонков, председателем приходского совета — Тимофей Федорович Молотков. При этой моленной воспитывался будущий настоятель Невской старообрядческой поморской общины Стефан Григорьевич Тимофеев.

13 октября 1923 г. межведомственная комиссия при отделе управления Петрогубисполкома приняла решение о регистрации общины на Волковской ул., 19, после предоставления устава и списка ее членов. Уже 15 октября совет общины переслал властям требуемые документы, в списке ее членов значились 88 человек (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 7. Д. 50. Л. 1–15).

При этом еще в 1922 г. федосеевцы снова взяли национализированную в 1918 г. богадельню на Волковской ул. на свое содержание. 27 марта 1923 г. президиум Московско-Нарвского райисполкома после проведения обследования специальной комиссией принял решение оставить помещение и инвентарь общежития призреваемых за общиной старообрядцев и поручить заключить с общиной договор на пользование ими с выселением из здания всех лиц, кроме призреваемых (ЦГА СПб. Ф. 104. Оп. 1. Д. 53. Л. 29 об.). Эта старообрядческая богадельня, вопреки советским законам, просуществовала до конца 1920-х гг. В частности, на общем собрании членов общины 28 февраля 1926 г. обсуждалось проведение ремонта дома призреваемых.

27 ноября 1923 г. филипповская община Вознесения Господня и Владимирской Пресвятой Богородицы на Коломенской ул., 10а, подала заявление в районный отдел управления об утверждении устава, регистрации и передаче в пользование общины имущества, отошедшего от П. И. Киржакова. Эта община впервые была официально зарегистрирована в 1919 г. (ее наставником тогда служил Иоанн Григорьев), а в ноябре 1923 г. бывший владелец дома Павлин Иванович Киржаков, ставший казначеем двадцатки, передал общине большое количество икон и богослужебных книг, находившихся в кв. 35, дома № 10а по Коломенской ул. В конце того же месяца был подписан

договор о передаче здания и имущества моленной в пользование общины и утвержден ее устав (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 8. Д. 66. Л. 1–13).

С января 1924 г. двадцатка стала ежемесячно представлять властям отчетные ведомости о деятельности общины, а с апреля 1924 г. — финансовые отчеты. Численность общины постоянно росла. Согласно представленным спискам ее совершеннолетних членов, в ноябре 1923 г. в общину входило 126, 7 апреля 1926 г. — 143, а 17 февраля 1928 г. — 173 человека. Это позволило убедить советские власти отклонить заявление жилтоварищества д. 10а по Коломенской ул. от 6 октября 1924 г. о передаче всего дома в распоряжение ЖАКТА (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 8. Д. 66. Л. 15–40).

9 апреля 1926 г. советские власти утвердили обновленный устав общины Вознесения Господня и Владимирской Пресвятой Богородицы. 23 декабря 1927 г. был заключен новый договор о передаче здания и имущества моленной в пользование верующих. Духовным наставником общины в 1925 — апреле 1928 гг. был Александр Флегонтович Садков, председателем двадцатки — торговец Григорий Иванович Иванов. 5 июня 1928 г. двадцатка сообщила в районный церковный стол о смерти ее члена, бывшего владельца здания на Коломенской ул. Павлина Ивановича Киржакова. Согласно акту технического осмотра этого здания от 17 ноября 1927 г. на его первом этаже находился большой молитвенный зал, на втором — малый молитвенный зал и квартиры служителей, на третьем жили призреваемые общины, то есть вопреки советским законам фактически продолжала существовать богадельня (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 299. Л. 1, 31–32; Д. 346. Л. 107).

Несмотря на ограниченность средств, прихожане периодически проводили ремонты здания, в частности летом 1927 г., и оно было по оценке властей «в удовлетворительном состоянии», за исключением частично затопленного подвала. 8 апреля 1928 г. в связи с их требованием очередное собрание совета двадцатки провести ремонт подвала и в связи с предстоящими большими ремонтными работами обратиться к прихожанам с призывом «составить хор певчих». На этом собрании также рассматривался вопрос об отъезде Александра Садкова и необходимости избрать нового наставника (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 346. Л. 49–50).

29 апреля 1926 г. был утвержден обновленный вариант устава поморской Знаменской общины, и 22 июня 1928 г. ее снова зарегистрировали. В это время в общину входили 254 прихожанина и 7 членов правления, в 1924–1925 гг. председателем приходского совета был торговец Павел Никандрович Кончаев, в 1925–1926 гг. — рабочий Александр Илларионович Кобазов, а в 1927–1928 гг. — служащий Георгий Кондратьевич Мосенков. В то же время постепенно начинались репрессии членов общины. В частности, на собрании двадцатки от 14 ноября 1926 г. было заслушано сообщение об исключении из ее членов ввиду ареста В. М. Антонова (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 279. Л. 46). 29 июня 1928 г. приходской совет обратился с заявлением в административный отдел Ленгорисполкома о разрешении проведения 1–3 сентября в здании храма съезда представителей поморских общин Ленинградской области, представив его программу. Разрешение было получено, и съезд состоялся в намеченные даты. Однако это было последнее подобное мероприятие.

Резкое ужесточение советской религиозной политики на рубеже 1928–1929 гг. сразу же сказалось на положении старообрядческих общин. 29 июня 1929 г. начальник административного отдела Ленгорисполкома написал в городской коммунальный отдел о необходимости расторгнуть договор об аренде Знаменской общиной кладбища на Малой Охте. В ответном сообщении от 29 июля говорилось о сдаче в аренду кладбища по договору от 9 июня 1925 г. на пять лет и отсутствии оснований для его расторжения до июня 1930 г., в связи с чем аренда продолжалась еще год. Большим успехом завершилась другая подобная акция. 22 мая 1929 г. начальник административного отдела отправил в президиум райсовета Центрального района указание срочно выселить из жилого помещения при Знаменском храме служителей культа и передать его райкоммуналделу. 22 октября начальник отдела вновь запросил президиум райсовета о мерах, принятых к заселению жилых помещений по Тверской ул., 8, и в ноябре 1929 г. жившие при храме

были выселены из своих квартир (ЦГА СПб. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 12. Л. 110–117; Д. 22. Л. 149, 204–208; Д. 49. Л. 4, 28; Д. 54. Л. 5; Ф. 7384. Оп. 33. Д. 255).

В том же году была закрыта небольшая домовая моленная Успения Пресвятой Богородицы Поморского согласия на Балтийской ул., 5 (Ушаковской ул., 2). Она находилась за Нарвской заставой — в рабочем районе, в 1923 г. в общину входили 54, а в 1924 г. — 52 человека. Ее наставниками в 1911–1917 гг. был Федор Кожин, а в 1922–1924 гг. — Тихон Титович Тихомиров. 12 мая 1923 г. по требованию властей состоялось «учредительное собрание» Успенской общины. 21 мая она подала заявление в отдел управления Петрогубисполкома о своей регистрации, представив устав, который вскоре был утвержден (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 8. Д. 72. Л. 1, 6–22).

11 марта 1924 г. община успешно прошла перерегистрацию, но 19 октября того же года управление жилтоварищества дома № 33/2 по Ушаковской ул. подало в районный церковный стол заявление об удалении икон из дома согласно постановлению народного суда от 25 августа о расторжении договора аренды с председателем двадцатки Макаром Акимовичем Толстовым и предписанию откомхоза от 2 октября о немедленном освобождении дома для проведения ремонта и вселения рабочих. 2 ноября Московско-Нарвский райисполком сообщил в административный отдел Ленгубисполкома о том, что ввиду выселения община должна в двухнедельный срок сообщить новый адрес, иначе будет снята с регистрации. Однако в ответном отношении административного отдела в райисполком от 22 ноября 1924 г. говорилось лишь о необходимости перезаключить с общиной договор на пользование богослужебным имуществом (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 106. Д. 621. Л. 1–14). Таким образом, Успенская община продолжила свое существование.

В 1927 г. в состав ее приходского совета входили 20 рабочих соседних предприятий, в том числе завода «Красный Путиловец» (председателем двадцатки по-прежнему являлся М. А. Толстов). Несмотря на то, что 11 марта 1924 г. был заключен договор с прихожанами моленной о ее использовании, она оказалась закрыта в мае 1929 г. 16 мая начальник административного отдела обратился в президиум Ленсовета с просьбой утвердить решение президиума Московско-Нарвского райсовета о закрытии моленной из-за нарушения пожарно-санитарных норм и передаче ее помещения под жилье с указанием, что представители общины якобы претензий не имеют. 25 мая президиум Ленсовета принял соответствующее постановление (ЦГА СПб. Ф. 1001. Ф. 104. Оп. 2. Д. 7. Л. 2 об.–3, 5–5 об., 12, 15, 17, 19 об.; Д. 8. Л. 3–3 об., 7 об.–8, 10, 11, 13, 16, 18, 19, 21, 22; Ф. 7383. Оп. 1. Д. 27. Л. 58, 64). Помещение моленной передали под жилье; позднее здание было снесено, и на его месте построили новый жилой дом.

16 февраля 1929 г. президиум Ленсовета принял постановление о закрытии Федосеевской Преображенской моленной при прежней женской богадельне на Волковом кладбище и передаче здания Ленинградской областной социальной страховой кассе для культурно-просветительных целей. Совет молитвенных домов Федосеевского согласия опротестовал это решение в Президиуме ВЦИК, и секретариат его председателя 10 апреля и 22 сентября 1929 г. дважды запрашивал президиум Ленсовета о присылке необходимых материалов, указывая, что храм необходимо оставить в пользовании верующих до принятия решения ВЦИК (ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 13. Д. 11. Л. 106; Д. 57. Л. 1, 33–34).

Существовавшая в 1920-е гг. вопреки советским законам старообрядческая богадельня на Волковом кладбище к тому времени оказалась закрыта, и часть здания Преображенской моленной занял инвалидный дом им. Ракова. В этой связи секретариат Ленсовета 12 октября написал в Президиум ВЦИК о необходимости закрыть храм, так как он находится под одной крышей с общежитием инвалидов, не имеющим помещения для «культурных нужд». 31 декабря в Ленинград пришел ответ Президиума ВЦИК об отказе в ходатайстве верующих, и в январе 1930 г. Преображенский храм был закрыт. Помещение моленной заняли под «культурные нужды» инвалидов, а к ноябрю 1930 г. оно было передано под детский дом (ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 13. Д. 57. Л. 27–28, 31–32; Оп. 48. Д. 41. Л. 10).

При этом еще пять лет действовала переданная федосеевцам в июле 1922 г. расположенная поблизости Успенская церковь на наб. реки Волковки, 3. Наставниками на Волковом кладбище в 1920–1930-х гг. были Афанасий Титович Строев, Тимофей Алексеевич Дубковский, Гурий и Павел. Клиросами, на которых пели только женщины, строго соблюдавшие безбрачие, руководили головщицы Феодосия Ивановна и Ирина Ивановна [Агеева, 2005, 235].

Советские власти попытались закрыть и моленную Вознесения Господня и Владимирской Пресвятой Богородицы Филипповского согласия на Коломенской ул., 10а. 18 ноября 1929 г. президиум Центрального райсовета сообщил в административный отдел Ленгорисполкома о ликвидации общины филипповцев с 17 ноября (10 ноября моленная была закрыта на короткое время). 16 марта 1930 г. начальник административного отдела обратился в президиум Ленсовета с просьбой утвердить постановление райсовета о закрытии моленной и передаче ее помещения под жилье, указав, что ЖАКТ также хочет использовать помещение под культурные цели (ЦГА СПб. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 49. Л. 5, 16 об., 28).

Решение вопроса затянулось, и 5 мая начальник отдела повторно обратился в президиум Ленсовета с этой просьбой, сообщив, что в общине состоит 150–200 человек, а ходатайство общественности о закрытии подписали около 5000. В результате 8 мая было принято постановление президиума Ленсовета о закрытии моленной и передаче ее помещения под жилье. Однако верующие продолжили сопротивление. Двадцатка общины обратилась во ВЦИК с заявлением о сохранении моленной, и 2 июля 1930 г. президиум Ленсовета указал районным властям оставить ее помещение в пользовании верующих до разрешения дела во ВЦИК и выслать дополнительные сведения (ЦГА СПб. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 54. Л. 16, 68, 85, 87, 90, 115, 125). В конце концов Президиум ВЦИК решением от 30 сентября 1931 г. удовлетворил ходатайства верующих, отменив постановление президиума Ленсовета, и моленная еще на шесть лет продолжила свое существование (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 350. Л. 1).

Общине удалось отбить и новые попытки ее ликвидации весной 1932 г. 1 апреля Ленинградский антирелигиозный музей обратился с ходатайством о передаче ему помещения моленной в сектор административного надзора, а 18 апреля — и в президиум Ленсовета. 16 апреля сектор науки Наркомата просвещения отправил отношение в секретариат Президиума ВЦИК о поддержке ходатайства Ленинградского антирелигиозного музея, но это не помогло (ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 50. Д. 34. Л. 74, 75, 77). При этом в сентябре 1932 г. был арестован председатель двадцатки Григорий Иванович Иванов, приговоренный Коллегией ОГПУ к 5 годам лагерей с конфискацией имущества.

Подобная история произошла и с моленной Федосеевского согласия на Волковской ул., 19. Хотя 9 сентября 1926 г. был заключен бессрочный договор с прихожанами молельни при председателе двадцатки Т. Молотове, Московско-Нарвский райсовет в декабре 1929 г. расторг договор с общиной. 14 января 1930 г. начальник административного отдела обратился в президиум Ленсовета с просьбой утвердить постановление райсовета о закрытии моленной и передаче ее помещения под жилье. 27 января президиум Ленсовета принял постановление о расторжении договора с общиной, так как занимаемые ею 13 комнат можно использовать под жилье.

Однако двадцатка общины обратилась во ВЦИК с заявлением о сохранении моленной, и 7 марта президиум Ленсовета указал районным властям оставить ее помещение в пользовании верующих до разрешения дела во ВЦИК и выслать дополнительные сведения. 10 июня 1930 г. Президиум ВЦИК принял постановление об оставлении моленной в пользовании верующих. 27 июня начальник отделения административного надзора сообщил в Московско-Нарвский райсовет об отмене Президиумом ВЦИК постановления Ленсовета, и моленная временно продолжила свою деятельность (ЦГА СПб. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 52. Л. 19–21, 49–51, 75, 77).

В конце 1920-х гг. начались массовые репрессии против старообрядцев. В ходе коллективизации советские власти закрывали храмы и моленные, из-за отказа

объединяться в колхозы многие староверы оказались арестованы и сосланы, большинство наставников расстреляли. Совет всероссийских соборов и съездов и Высший духовный совет Поморского согласия были ликвидированы в 1930 г.

В докладной записке организационного отдела в президиум Ленсовета о состоянии молитвенных зданий в городе от 8 февраля 1932 г. отмечалось, что старообрядческих храмов и моленных всех согласий и толков осталось восемь (в том числе четыре беспоповских). При этом, когда планировалось закрытие новых церквей, приходилось учитывать «оставление отдельных молитвенных зданий старообрядцев, как единственных на город, а иногда и на всю Ленинградскую область, чтобы не загнать их в подполье» (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 2. Д. 20. Л. 7–7 об.).

Однако перерыв в ликвидации старообрядческих храмов был недолгим. 16 августа 1933 г. президиум Леноблисполкома принял постановление «О закрытии Старообрядческой церкви по Тверской ул., д. 8» (ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 10. Д. 51. Л. 69). В связи с сопротивлением верующих Знаменский храм оказался закрыт советскими властями только через несколько месяцев. Иконы и другая церковная утварь при активном содействии председателя общины Павла Никандровича Кончаева были переданы на хранение в Русский музей, а не разграблены и уничтожены, как это нередко происходило с другими моленными. В здании храма планировалось устроить «культурный очаг» завода «Металл», однако по договору от 22 февраля 1934 г. оно было передано под ремстройконтору и общежитие строительных рабочих Райжилсоюза, часовню при храме снесли (ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 51. Д. 35. Л. 28, 41).

Осенью 1934 г. оказалась закрыта федосеевская моленная на Волковом кладбище. 14 июня президиум Леноблисполкома принял постановление «О ликвидации старообрядческой церкви Успения Пресвятой Богородицы в Ленинграде на набережной р. Волковки», так как она находится на одном участке с культурно-воспитательными учреждениями: пунктом охраны материнства и младенчества, Институтом социального воспитания и др., «чем создается отрицательное влияние на работу этих учреждений, в частности на воспитание дефективных детей» (ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 10. Д. 646. Л. 312).

Прихожане обжаловали это решение, но Президиум ВЦИК 1 ноября 1934 г. утвердил его, и моленная была закрыта. В следующем году верующие написали новую жалобу во ВЦИК, указав, что это была единственная моленная федосеевцев в городе, а прихожан насчитывалось 7500 человек. 19 ноября 1935 г. Комиссия по вопросам культов при Президиуме ВЦИК написала об этом в Леноблисполком, но в ответном письме от 19 декабря городские власти сообщили, что федосеевцы еще имеют действующую моленную на Волковской ул., 19, а их численность точно не известна (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 350. Л. 9, 11). Здание Успенского храма передали детской больнице.

Часть федосеевцев во второй половине 1930-х гг. начала ездить в моленные Ленинградской области, многие бывшие члены общины позднее стали прихожанами поморской моленной. Рукописное собрание Волковской молельни было передано Государственной Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, и в настоящее время составляет отдельный фонд в Российской национальной библиотеке.

В июле 1936 г. были закрыты два оставшихся храма беспоповцев в Северной столице. Уже в 1935 г. власти начали сбор резолюций собраний жильцов домов ЖАКТа 26/17 и рабочих соседних предприятий о необходимости закрытия моленной Федосеевского согласия в скиту на ул. Коли Томчака (Волковской), 19, из-за ее пожароопасности и т. п. В это время на одном из зданий скита висел закрепленный воинствующими безбожниками плакат: «Здесь живут самые отсталые люди в мире — староверы!» В начале февраля 1936 г. ЖАКТ расторг договор с общиной на аренду дома, и 19 февраля обратился в президиум Московского райсовета о закрытии старообрядческой моленной. 14 марта специальная комиссия осмотрела ее и признала строение непригодным к дальнейшей эксплуатации ввиду ветхости, пожароопасности и близкого расположения к заводам.

21 мая президиум Леноблисполкома принял постановление о закрытии моленной, однако в июне ее двадцатка обратилась в Президиум ВЦИК с просьбой отменить

это решение. 3 июля Комиссия по вопросам культа ВЦИК попросила Леноблисполком выслать все материалы дела для его рассмотрения. Однако в ответном письме секретаря по вопросам культов при Леноблисполкоме от 13 июля говорилось об уже проведенном закрытии моленной после истечения установленных постановлением от 21 мая сроков обжалования с указанием, что в Леноблисполкоме жалоба верующих не поступала. Фактическое опечатывание моленной районными властями произошло 3 июля 1936 г., хотя секретарь по вопросам культов при Леноблисполкоме только 28 июля известил Московский райсовет о вступлении в законную силу постановления о закрытии (ЦГА СПб. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 52. Л. 19–21, 49–51, 75, 77; Ф. 7384. Оп. 33. Д. 5). Женский скит, который находился в двухэтажном здании, занятом моленной, также был ликвидирован, а само здание снесено. Ныне эта территория занята складами. Еще проживавших в скиту инокинь выселили, последняя из них скончалась в 1953 г.

Последней оказалась закрыта моленная Вознесения Господня и Владимирской Пресвятой Богородицы Филипповского согласия на Коломенской ул. Еще 28 декабря 1934 г. президиум Центрального райсовета принял постановление о ее закрытии и передаче здания под Дом коммунистического воспитания детей и общеобразовательную школу. 20 апреля председатель Центрального райисполкома направил соответствующую докладную записку в президиум Ленсовета. 9 мая 1935 г. президиум Леноблисполкома принял постановление о закрытии моленной и передаче ее помещения под Дом коммунистического воспитания детей и общеобразовательную школу (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 350. Л. 3, 19, 21–24).

16 мая председатель двадцатки Е. В. Меркушина была вынуждена дать расписку о вручении ей этого постановления. Однако верующие обжаловали его во ВЦИК. 13 июня Комиссия по вопросам культов при Президиуме ВЦИК написала в президиум Леноблисполкома о необходимости в связи с жалобой верующих выслать материалы по данному делу, а моленную до решения ВЦИК оставить в пользовании прихожан. В ответном письме 13 августа 1935 г. содержалась просьба утвердить закрытие, так как богослужения посещают 30–75 человек и община якобы не может содержать здание в порядке (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 350. Л. 5–7).

20 марта 1936 г. Президиум ВЦИК вынес решение о закрытии моленной при условии предоставления общине другого помещения меньшего размера, и 26 июля того же года президиум Леноблисполкома принял постановление о закрытии моленной, передаче ее здания под общежитие рабочих строительных контор Строительного управления и прикрепления бывшей двадцатки к Покровской церкви старообрядцев Белокрыницкого согласия на наб. реки Волковки, 7 (закрытой в 1939 г.). По сути, это было прямое искажение решения ВЦИК, так как Покровская церковь принадлежала поповцам и никак не подходила филипповцам. 4 августа 1936 г. секретариат Леноблисполкома и Ленсовета сообщил в президиум Фрунзенского райисполкома о необходимости приступить к ликвидации моленной в 10-дневный срок, и через несколько дней она была закрыта (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 350. Л. 13–16). Богослужбное имущество закрытых в 1929–1936 гг. шести староверческих храмов и моленных, в том числе более тысячи икон, частично было передано в музеи, но в основном пропало и, скорее всего, подверглось уничтожению.

Подобные процессы происходили и в Ленинградской области. В первое послереволюционное десятилетие значительная часть старообрядческого населения (середняки и бедняки) поддержала советскую власть и происходившие в селах преобразования. В документах середины 1920-х гг. говорилось, что у староверов «замечается доброжелательное отношение к советской власти и пассивное отношение к православному духовенству». Даже женщины-староверки участвовали в общественной жизни деревни и зарождавшемся кооперативном движении [Королькова, 2011, 295–297].

Развернувшиеся в конце 1920-х гг. насильственная коллективизация и репрессии верующих изменили ситуацию. Особенное сопротивление вызывало создание колхозов. Так, например, в Михалевском сельсовете Тихвинского района, где проживали староверы «озеряне», бежавший из ссылки старообрядец распространял слухи о том,

что страна находится на грани войны и колхозников на работу не берут, а направляют на рытье окопов, «поэтому около Ленинграда все колхозники из колхозов выходят». Подобная пропаганда имела некоторый успех: так, например, в 1932 г. из двух старообрядческих колхозов тихвинских карел вышло 40 хозяйств [Королькова, 2014, 275; ЦГАИПД СПб. Ф. 0-1070. Оп. 1. Д. 145. Л. 3, 23].

Агитацией против экономической политики советской власти занимались и многие женщины-староверки. В частности, в д. Рыбачево Михалева сельского совета одна из них открыто говорила, что «если летом 1932 г. не будет войны, то мы сами откроем войну и Советской власти будет гибель». Население ряда старообрядческих деревень требовало введения старой системы распределения земли — по едокам. Некоторые женщины-«озерянки» в августе 1932 г. призывали мужчин брать в руки ружья и выступать против колхозов, не отдавая им земли. Подобная ситуация была и в районе проживания тихвинских карел-старообрядцев, особую активность в борьбе с колхозами там проявлял старообрядческий начетчик д. Бирючево Коргорского сельсовета И. Г. Рыбаков [Королькова, 2014, 276; ЦГАИПД СПб. Ф. 0-1070. Оп. 1. Д. 145. Л. 32, 83, 86, 35].

Развернутая в деревне антирелигиозная пропаганда была нацелена прежде всего на подрастающее поколение, и постепенно в этой среде стали развиваться процессы «мирщения», однако они проявлялись и в сближении детей и старообрядческой молодежи с православными, и в посещении некоторыми староверками храмов Русской Церкви. Хотя по субботам и воскресеньям в моленных собирались в основном крестьяне старшего возраста, в целом антирелигиозные акции не привели к резкому сокращению численности старообрядцев, так как почти всех детей крестили по специальному обряду. Для того чтобы уберечь подрастающее поколение от влияния советской власти, родители в ряде мест не пускали детей в школу, а многодетные матери из числа старообрядцев отказывались получать пособие и при этом заявляли: «Не хотим продавать своих детей антихристу!» [Королькова, 2014, 275; ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 10. Д. 316. Л. 1].

После принятия «сталинской» конституции 1936 г. в Ленинградской области активизировался процесс создания новых церковных двадцаток, верующие массово отмечали все религиозные праздники и требовали возвращения им закрытых церковных зданий, многие из которых стояли без использования. Активную позицию в противодействии деяниям властей занимали и старообрядцы. Так, в 1937 г. некоторые из них вели агитацию против выборов в Верховный совет и проведения переписи населения [Королькова, 2014, 277; ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 10. Д. 316. Л. 3–12; Д. 317. Л. 19, 23].

Советское руководство ответило массовыми репрессиями. В 1937 г., в период «большого террора», в Ленинграде был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян целый ряд старообрядческих священников и наставников: Василий Иванович Боговский (1885 — 14.12.1937), Степан Григорьевич Григорьев (1864 — 28.05.1937), Алексей Иванович Еремин (1866 — 29.10.1937), Михаил Иванович Иванов (1863 — 18.09.1937), Иван Николаевич Николаев (1861 — 14.10.1937), Николай Тимофеевич Тимофеев (1873 — 14.12.1937), Алексей Андреевич Тихонов (1887 — 14.12.1937), Иван Филиппович Филиппов (1870 — 24.11.1937) и его младший брат Павел Филиппов (1872 — 14.10.1937), Александр Васильевич Шамшев (1868–1937) из д. Безово Волховского района, Иоанн Евдокимович Евдокимов (1862 — 09.09.1937) из д. Бор, Порфирий Егорович Деревенин (1871 — 16.09.1937) из д. Верховина Волховского района, Михаил Иванович Кирин (1869–1937) из д. Моршагины и его брат Иван (1869–1937), Федор Михайлович Кочанов (1864 — 09.09.1937) из д. Пороги Волховского района и др. Многие из них уже не имели приходов и проживали как частные лица, другие служили в еще действовавших старообрядческих храмах Ленинградской области.

К началу Великой Отечественной войны на Северо-Западе России были закрыты практически все храмы и моленные старообрядцев-беспоповцев. Одним из последних оказался закрыт храм в Гатчине (тогда г. Красногвардейске). В 1930-е гг. старообрядческий молитвенный дом св. Архангела Михаила в этом городе забрали для хозяйственного использования, а коммунальный отдел горисполкома передал в аренду

общине каменное здание православной Иоанно-Предтеченской церкви. В ноябре 1938 г. умер прежний наставник, община вскоре избрала нового — Никиту Ивановича Красноперова, и подала в горисполком заявление о его регистрации, однако получила устный ответ, что этого не будет. 3 февраля 1939 г. заведующий общим отделом горсовета Гусев прислал председателю двадцатки Игнатию Ивановичу Иванову отношение с предложением прекратить службы в церкви, так как в ней не зарегистрирован служитель культа (ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 11. Д. 437. Л. 219).

После года безуспешной борьбы с горисполкомом И. И. Иванов подал заявление об отказе в регистрации наставника в Леноблисполком, но 21 июня 1940 г. его секретарь Белокурова подготовила довольно наглый ответ, что Конституции СССР и РСФСР «свободы религиозной пропаганды не предусматривает, поэтому «наставников» в роли пропагандистов религии допустить не можем» (ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 11. Д. 435. Л. 192–193). 11 июля Леноблисполком переслал жалобу в Красногвардейский горисполком на его усмотрение. Не добившись успеха у местных властей, члены двадцатки 25 августа 1940 г. подали заявление в Верховный совет СССР об отказе горисполкома регистрировать избранного общиной нового наставника, отметив, что храм находится на окраине города и хорошо отремонтирован. Письмо поступило в Верховный совет РСФСР, который 2 октября переслал жалобу двадцатки в Леноблисполком (ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 11. Д. 437. Л. 216, 220–220 об.).

Поторопившись, президиум Леноблисполкома 3 октября 1940 г. принял постановление о закрытии храма и 16 октября известил о нем общину. В связи с этим верующие подали новую жалобу в Верховный совет РСФСР. 29 октября Президиум Верховного совета попросил Леноблисполком о присылке материалов на закрытие. 18 декабря эти материалы были высланы в Москву, но это уже не могло изменить ситуацию: еще 1 ноября 1940 г. местные власти закрыли единственный старообрядческий храм в городе (ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 11. Д. 437. Л. 137–141). Последний официально действовавший молитвенный дом старообрядцев-беспоповцев — в д. Ротково Красногвардейского (Гатчинского) района — оказался закрыт уже после начала Великой Отечественной войны, согласно постановлению Леноблисполкома от 30 июня 1941 г. Его здание передали под культурное учреждение (ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 10. Д. 1889. Л. 109; Д. 1904. Л. 342; Оп. 11. Д. 849. Л. 83).

Таким образом, за два с лишним века — с 1720-х по 1930-е гг. — не приемлющие священство согласия старообрядцев на приневских и приладожских землях прошли значительный путь исторического развития. Уже вскоре после основания новой столицы России в Санкт-Петербурге и прилегающих территориях поселились представители трех согласий: поморского, федосеевского и филипповского. В середине XVIII в. они получили возможность создавать свои моленные и старообрядческие кладбища, в следующем веке Санкт-Петербург даже стал на некоторый период центром поморского согласия. Старообрядцы активно занимались благотворительной и общественной деятельностью. Из петербургских староверов наиболее известны купцы-благотворители Ф. Г. Громов, П. И. Чубыкин, Ф. Ф. Косцов, И. В. Киржаков, иконописец Н. С. Рачейсков, духовный писатель Павел Любопытный и др. Активное развитие старообрядческих общин Петроградской губернии продолжалось до 1917 г. К этому времени численность беспоповцев в ней составила около 30 тысяч человек, имевших 56 храмов и моленных, в основном поморских и федосеевских. В советский период их положение постепенно начало ухудшаться. Правда, в 1920-е гг. губернские власти еще шли на некоторые уступки: передали в пользование федосеевцев православную Успенскую церковь на Волковом кладбище, разрешили функционирование двух старообрядческих богаделен. Однако с конца 1920-х гг. массовые антирелигиозные гонения охватили и старообрядцев. К лету 1941 г. все их моленные были закрыты, а наставники репрессированы. Частичное возрождение религиозной деятельности ленинградских старообрядцев произошло после окончания Великой Отечественной войны. Дальнейший период их истории будет освещен в следующей статье.

Источники и литература

1. Агеева (2002) — *Агеева Е. А.* Беспоповцы // Православная энциклопедия. М., 2002. Т. 4. С. 714–717.
2. Агеева (2005) — *Агеева Е. А.* Волково кладбище // Православная энциклопедия. М., 2005. Т. 9. С. 233–235.
3. Агеева (2007) — *Агеева Е. А.* Древлеправославная Поморская Церковь // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 16. С. 135–141.
4. Агеева, Шкаровский (2015) — *Агеева Е. А., Шкаровский М. В.* Старообрядцы / Ленинградская область // Православная энциклопедия. М., 2015. Т. 55. С. 428–429.
5. Антонов, Кобак (2010) — *Антонов В. В., Кобак А. В.* Святые Санкт-Петербурга. Энциклопедия христианских храмов. СПб., 2010.
6. Весь Петроград — Весь Петроград 1917 г. Пг., 1917.
7. Животов (1891) — *Животов Н. Н.* Церковный раскол Петербурга в связи с общероссийским расколом: Очерки: старообрядцы беспоповцы, поповщины, сектанты разных толков и учений. СПб., 1891.
8. Зодчий — Зодчий. 1881. Вып. 11; 1908. Вып. 45.
9. Керов (2018) — *Керов В.* Старообрядчество в 1917 г. // Российская история. 2018. № 1. С. 143–160.
10. Керов (2020) — *Керов В.* Старообрядцы и Учредительное собрание в 1917–1918 гг. // Российская история. 2020. № 2. С. 174–185.
11. Кожурин (2007) — *Кожурин К. Я.* Духовные учителя сокровенной Руси. СПб., 2007.
12. Королькова (2008) — *Королькова Л. В.* Этноконфессиональная карта Новоладожского уезда (последняя четверть XIX — первая треть XX вв.) // Этноконфессиональная карта Ленинградской области и сопредельных территорий. Вторые Шегреневские чтения: Сб. статей. СПб., 2008. С. 88–99.
13. Королькова (2011) — *Королькова Л. В.* Старообрядческая деревня Лавния XIX–XX вв. (Волховский район Ленинградской области). Опыт историко-этнографического исследования // Старообрядчество. История, культура, современность. Материалы. М., 2011. Т. II. С. 289–301.
14. Королькова (2014) — *Королькова Л. В.* История старообрядчества Ленинградской области). XX век // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы XI Международной конференции, проходившей в Москве 11–13 ноября 2014 г. М., 2014. Т. I. С. 272–279.
15. Королькова (2018) — *Королькова Л. В.* «В моленной сердце и жизнь, ограда и отвердение раскола» (старообрядческие моленные XIX — начала XX вв. Санкт-Петербургской губернии и сопредельных территорий) // Старообрядчество. История, культура, современность. М., 2018. Вып. 16. С. 67–73.
16. Лурье (2011) — *Лурье Л. Я.* Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. СПб., 2011.
17. Мальцев (2006) — *Мальцев А. И.* Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII — начале XIX в.: Проблема взаимоотношений. Новосибирск, 2006.
18. Мельников (1999) — *Мельников Ф. Е.* Краткая история Древлеправославной (Старообрядческой) Церкви // *Мельников Ф. Е.* Собрание сочинений. Барнаул, 1999. Т. 1.
19. Миловидов (1969) — *Миловидов В. Ф.* Старообрядчество в прошлом и настоящем. М., 1969.
20. Нильский (1890) — *Нильский В.* Девичий федосеевский скит в Санкт-Петербурге // Церковный вестник. 1890. № 22. С. 372.
21. Нильский (1892) — *Нильский В.* Из современной жизни в расколе: Петербургские федосеевцы // Церковный вестник. 1892. № 49. С. 774–776.
22. Новое здание (1899) — Новое здание на Волковском кладбище // Церковный вестник. 1889. № 2. С. 36–37.
23. Пивоварова (2003) — *Пивоварова Н. В.* Старообрядческие моленные Петербурга XVIII — 1-й половины XIX в.: (по материалам РГИА) // Три века синтеза церковного и светского искусства. Ораниенбаум, 2003. С. 150–156.

24. Расков (2000) — *Расков Д. Е.* Купцы-староверы в экономике Санкт-Петербурга // *Старообрядчество: история, культура, современность*. М., 2000. Вып. 8. С. 53–57.
25. Сборник для истории старообрядчества (1864) — *Сборник для истории старообрядчества*. М., 1864. Т. I.
26. Фишман (2003) — *Фишман О. М.* Жизнь по вере: тихвинские корелы — старообрядцы. М., 2003.
27. ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 104. Оп. 1. Д. 53; Оп. 2. Д. 7; Д. 8; Ф. 143. Оп. 1. Д. 123; Ф. 1000. Оп. 13. Д. 11; Д. 57; Оп. 48. Д. 41; Оп. 50. Д. 34; Оп. 51. Д. 35; Ф. 1001. Оп. 7. Д. 1; Д. 50; Оп. 8. Д. 66; Д. 72; Оп. 9. Д. 14; Оп. 106. Д. 621; Ф. 1221. Оп. 1. Д. 46; Ф. 2555. Оп. 1. Д. 488; Д. 645; Д. 919; Ф. 5836. Оп. 36. Д. 34; Ф. 6830. Оп. 1. Д. 100; Д. 101; Ф. 7179. Оп. 10. Д. 51; Д. 646; Д. 1889; Д. 1904; Оп. 11. Д. 435; Д. 437; Д. 849; Ф. 7383. Оп. 1. Д. 12; Д. 22; Д. 27; Д. 49; Д. 52; Д. 54; Ф. 7384. Оп. 2. Д. 20; Оп. 9. Д. 159; Оп. 33. Д. 5; Д. 251; Д. 255; Д. 279; Д. 299; Д. 346; Д. 350; Ф. 7838. Оп. 4. Д. 9; Д. 10; Д. 13; Ф. 7879. Оп. 1. Д. 43.
28. ЦГАИПД СПб — Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 0-1070. Оп. 1. Д. 145; Ф. 24. Оп. 10. Д. 316.
29. Цыпкин (1991) — *Цыпкин Д. О.* Археографическая работа в Ленинградской области в 1990 г. // *Труды общества друзей русской литературы*. СПб., 1991. Т. 47. С. 427–435.
30. Шульц (1994) — *Шульц С. С.* Храмы Санкт-Петербурга. История и современность. СПб.: Глаголь, 1994.